

*Д.Б. ДОНДУРЕЙ,
К.С. СЕРЕБРЕННИКОВ*

Культура должна работать на развитие

К. Серебрянников: Говорят, что у нас страна управляется в “ручном режиме”... Что нет никакой системы, которая бы созидательно, исправно работала отдельно от персон, облеченных властью... В культуре, где имя, персона, автор – альфа и омега, и подавно все стоит на таких вот именах-государствах... И долго мне лично казалось, что так и должно быть. Что большевики с их системой укрощения культуры через творческие союзы, владеющие пансионатами, литфондами, спецраспределителями (форма пряника), и через прямой окрик, выдворение из страны, расстрел (форма кнута) сделали много зла. И пусть будет, как будет... Пусть лучше эти имена-государства, чем драконовская (а у нас иная не выходит) “система”... Но в последнее время с изучением современного мирового, европейского и азиатского опыта я все больше чувствую необходимость привнести в наш культурный уклад еще какие-то механизмы, отличные от имеющихся... Хоть какую-то систему! Ибо то, что у нас, – это не система...

Д. Дондурей: Ну почему же? Неявная, но всем ясная система есть. Она предписывает обязательно дружить с высшими чиновниками, чтобы регулярно получать госдотации; половину мизерного бюджета страны на культуру вбухивает на имперские реконструкции – Большого и Марининского театров; способствует тому, чтобы отдельные персонажи, конкретные люди десятилетиями оставались чуть не официальными отцами той или иной музыки.

К.С.: На них – отцах разных муз – все и стоит. Решают ведь один-два, максимум три человека. Даже не решают. А просто следят, чтобы издавна поделенные границы территорий влияния не были вдруг кем-то переделены или подвергнуты сомнению. Да, эти отцы – великие (серьезно, великие!), и заслуги их перед культурой несомненны. Как и их статус. Мы им многим обязаны: на их фильмах выросли, на их спектакли ходили всем классом, их песни пели, их стихи читали хором в детстве. Отцы и сегодня при благоволении могут помочь решить жилищные вопросы, протолкнуть проект, дать кому-то деньги, вылечить, замолвить слово. Отцам верят. Отцы дружат с властью. Отцы – любимцы народа... А если отцы постареют, устанут... Что дальше? Кто или что вместо них? Отцы постарались, чтобы никого равновеликого рядом не возникло... Их можно понять. Зачем? “В России надо жить долго...” А у нас испокон веку должности давались “на кормление”... Ясно, что эту древнюю российскую схему сломать нельзя. Тогда все вообще рухнет. Но рядом с ней нужно строить другую. Ее главное отличие состоит в том, что она – именно система. Функционирующая вне воли персоналий. Как совокупность законов, правил и уложений, с которы-

Дондурей Даниил Борисович – кандидат философских наук, главный редактор журнала “Искусство кино”.

Серебрянников Кирилл Семенович – сценарист, режиссер театра и кино.

ми все согласны и на основе которых в нашей жизни начнет происходить что-то новое.

Д.Д.: Сейчас, к осени 2009 г., многое сошлось. Мне кажется, встретились и как-то подталкивают друг друга несколько самостоятельно развивающихся кризисов. Старых и новых, понятных и еще не осознанных. Экономический и моральный кризис идей, а еще – закостеневшего у нас понимания культуры. А также нынешнего функционирования творческих союзов, других объединений, самого знания о том, что реально происходит. Куда ни посмотри – истлевающая содержательная ткань.

К.С.: Шагреновая кожа. Не действуют недавние заклинания: “Спасем великий репертуарный театр!”, “Гениальное кино наших отцов!”...

Д.Д.: Многие подпорки гигантского тела советской, да уже и постсоветской, культуры рухнули. Независимо от того, воспроизводят их сегодня народные артисты или нет. Актуально действующим художникам и менеджерам культуры понятно, что эти подпорки, несмотря на силу стереотипов или даже архетипов, обречены, а новые идеологемы не подвезены. Об этом недавно в своем чутком к дыханию времени интервью журналу “GQ” говорил К. Эрнст: рушатся все шаблоны и каноны того, что раньше было гарантией успеха. Но артикулировать произошедшее никто не может: “Люди вообще не знают, чего они хотят... им только кажется, что они кого-то любят: родину, колбасу, жену, детей; но чувство другое”.

К.С.: Нужны, скорее, не идеологемы – они у нас тут же оборачиваются пропагандой, – нужны законы, договор, нормальные практики, этические нормы. Времени нет. Пока общество будет подписывать конвенцию о соблюдении новых идеологем, пройдут годы, а закон при желании можно заставить работать завтра.

Д.Д.: Законы-то у нас потрясающие – по поводу всего и вся. Только они не работают. Никто их не соблюдает. Особенно, если закон противостоит тому, что можно назвать “реально действующим общественным договором”. Как вы понимаете, неформальным.

К.С.: В таком случае: что делать?

Д.Д.: Начнем с обсуждения интересов продюсеров.

К.С.: Они, естественно, хотят заработать и продать то, что лучше продается. Это понятно. Но мы говорим сейчас о системе, которая должна противостоять рынку. Вернее, находиться с ним в более сложных отношениях. Хотя бы для того, чтобы развивать его. Мы должны создать ситуацию, которая бы действовала “поперек” рынка, а не превращала любые артефакты в придаток к кассе.

Д.Д.: Почему обязательно – “поперек”? Нужно где-то гасить рынок, но где-то его дополнять. Взаимодействовать с ним. Касса – во всем мире касса. Разве наша чем-то отличается от французской или шведской?

К.С.: Отличается. В Германии в государственном театре, который получает из бюджета огромные деньги (к слову, дотация берлинскому театру “Шаубюнна” составляет 30 млн евро, театр выпускает до 15 премьер в сезон!), просто немыслима постановка коммерческой, бульварной пьесы. Почему? Если не говорить о конкретике (ответственность перед зрителем, разделение территории коммерции и искусства, идеологический водораздел между буржуазным и демократическим театром), то ответить можно так: причина – другое понимание культуры.

Д.Д.: Да. Здесь, в России, культура сегодня воспринимается как свободное от жизни место. Есть экономика, семейные отношения, заработки, успех, поездки, юридические отношения, бандиты, кредиты, неправильно воспитывающиеся дети и – отдельно от всего этого – культура.

К.С.: Возвышающий обман. Зона неги.

Д.Д.: Да, именно “зона”: досуга, восстановления сил, отдыха, развлечения. Если вы посмотрите любую бумагу, созданную правительством по поводу экономики или политики, то найдете там самые разные социальные обязательства, а вот культурные – никогда. У нашего правительства нет культурных обязательств перед страной.

К.С.: Но мы с вами ни этим разговором, ни каким-либо действием никогда не поломаем сложившееся отношение к культуре. Оно всегда было таким.

Д.Д.: Не совсем. Начиная с Александра II, да и в советское время, у нее был высокий статус. Начальство не понимало, кто такие О. Мандельштам или К. Малевич, но уважали... И убивали тоже. Может быть, лучше равнодушие?

К.С.: Боялись художников, робели перед ними как перед чем-то умонепостижимым. Опасались, как юродивых, к которым можно или нужно прислушиваться.

Д.Д.: В то же время, высшая власть понимала, что народный артист – в символическом смысле чуть ли не секретарь обкома. Поэтому он жил в том же доме, что и партийная номенклатура, и обладал правом на госдачу. Имел прямое отношение к “статусно-престижному потреблению”. Так что значение символического капитала в недавние времена прекрасно считывалось.

К.С.: Это ведь тоже извращение. Художник не может сидеть в президиуме. Он, вообще-то, всегда находится по другую сторону от общепринятого. От общепринятого мнения, например. От власти. Н. Гумилев говорил: “Я заговорщик, пишущий стихи, а не поэт, который принял участие в заговоре”. Его взяли и шлепнули. И В. Мейерхольда тоже. Быть по другую сторону небезопасно.

Д.Д.: Не только. Мучили, награждали, уважали, расстреливали. Близкие были отношения. Ю. Андропов ходил на спектакли Ю. Любимова. Отдельные – разрешенные – зоны вольнодумства поощрялись, до определенного, конечно, предела.

К.С.: Это все примеры безмолвных взглядов власти и культуры друг на друга. Пришли – посмотрели – ушли. Иногда отчитали. Или закрыли. Я считаю сегодня особо важным построить диалог культуры с властью. Принципиальный. С аргументами. С ними – с этой властью, к которой у нас столько вопросов и претензий, – надо тем не менее вести кропотливую работу. С ними надо договариваться. Их важно заставить себя услышать, а не бесконечно ходить и, пользуясь популярностью в народе или медийной известностью, клянчить деньги. Но для этого люди культуры должны сами понять нужность и важность такого диалога. И самим предложить модель сосуществования. Лизоблюдство, конформизм и продажность приводят к тому, что культура структурно повторяет модели устройства власти и становится вслед за ней олигархической, коррупционной, несвободной. Это ясно. Но и концепция неучастия: “Власть – говно, не буду травмировать свое обоняние” – приводит, как известно, не к сохранению культуры в ее морально-нравственной чистоте, а к параличу, потере преемственности поколений и к полному отключению от жизни. Что же делать?

Д.Д.: Вы думаете, возможна бескровная культурная революция, в результате которой разрешенный воздух не будет для художников унижительным? Я не очень в это верю. Только если мы договоримся, что Россия – европейская страна. Тогда и система координат будет соответствующей. Мы сейчас чувствуем, и это очень важно: культура находится в чрезвычайной ситуации – на развилке. Появились новые авторы, режиссеры, не только понимающие необходимость нового содержания, но и транслирующие его. Его бессмысленно называть, как многие, “новой чернухой”, гимном депрессии. Это глупость. Или наивность. Эти авторы чувствуют время, его запах, воздух, травмы.

К.С.: Естественно, что внутри прогнившей системы есть основа будущей культуры. Есть на кого опереться. А также есть публика, способная и желающая это новое посмотреть, осмыслить.

Д.Д.: К сожалению, ее мало. Не надо обольщаться. Более того, она почти не воспроизводится. Ее везде мало. Но у нас особенно постарались ее оболванить, растлить.

К.С.: Но все же публика для поискового театра, для авторского кино, для современного искусства есть. Это публика креативная, инициативная, образованная. Не ботва, не болото. Она способна мыслить. Это немногочисленная, однако очень важная публика.

Д.Д.: Немногочисленная – мягко сказано: всего 3–4%, но из нее возникает элита, а не ньюсмейкеры.

К.С.: Это лучшие проценты.

Д.Д.: Но при этом социально-политически – в широком, а не личном смысле – амечичные. Хотя без них никуда.

К.С.: Да. Все говорят: сейчас настоящий кадровый коллапс. Министра толкового не найти, директора театра, продюсера... То есть попросту – люди кончились.

Д.Д.: И официальное понятие “патриотизм” многое извращает. У нас понимают его чаще всего примитивно, как гордость за победу в войне. Результат: превращенные войны на поле спортивной борьбы. Миллионы людей болеют за то, чтобы мы выиграли в очередной квазивойне – футбольной, баскетбольной, на “Евровидении”. Зрители сегодня, как болельщики, – всего лишь ландскнехты в этих армиях.

К.С.: А это всегда предполагает ситуацию, что вокруг нас враги. Мы же до сих пор говорим: я был за границей... То есть не в Англии, Германии, Японии... А – за границей!

Д.Д.: Это следствие феодальных комплексов: “вокруг враги” – один; “защитим границы” – второй; «мир делится на “своих” и “чужих”» – третий. Старые концепции. Они к эпохе возникновения объединенной Европы уже сгнили, израсходовали свои ресурсы.

К.С.: А в нынешнюю эпоху, когда каждая страна ищет свое место в новом, изменившемся мире, когда перед человечеством (а значит, и перед каждым человеком) стоят совсем новые задачи в геополитике, экологии, энергетике, информационном поле, культуре, обращение к заскорузлым схемам кровавого XX в. не просто опасно – преступно.

Д.Д.: Но есть невероятно важная и действующая с XVIII в. идея, которой и советская власть декларативно присягала. Это идея приоритетного значения – для государства, для общества – развития личности. Она почему-то у нас умерла. Вроде бы вместе с эпохой Просвещения. Но без такой концепции ничего не будет – ни инновационного общества, ни модернизации, ни конкурентоспособности. Останется только эксплуатация одних другими. Не думаю, что это утопическая идея в постутопические времена.

К.С.: Ну... к этой идее многие возвращались, иногда с неблагоприятными целями... Большевики, например... Они тоже личность развивали, вернее, “создавали личность нового типа”... Мы не об этом...

Д.Д.: Мы – о другом. В первую очередь не надо бояться сложного человека. Его необходимо “поливать и выращивать”.

К.С.: “Культура – это мышление о человеке”.

Д.Д.: За последние лет пятнадцать эта установка, традиция, этот посыл были уничтожены.

К.С.: Отсюда постоянные справедливые упреки нашему обществу в антигуманизме.

Д.Д.: Вдруг человек “растворился”, исчез. Ты же не вообще абстракцию с большой буквы выращиваешь, а конкретное Ивана Палыча Сидорова.

К.С.: Теперь мне очень просто сформулировать то, чем отличается шоу-бизнес от культуры. Шоу-бизнес общается только с массой людей. Ему важно исключительно количество зрителей. “Больше людей – больше денег”, – вот и все. А любой арт-спектакль, арт-фильм, любое художественное произведение всегда обращается к каждому. Персонально.

Д.Д.: Необходимо признать, что человек может быть сложный, противоречивый, неоднородный. Как, например, доктор Хаус в знаменитом американском сериале. Я специально привожу пример из массовой продукции. Кажется, что этот сериал сделан для продвинутой публики, и это так. Но он еще рекрутирует множество поклонников среди обычных зрителей. Это и означает выращивание аудитории.

К.С.: Если мы говорим об инновациях, они с неба не прилетят. Инновации – это когда один человек придумал идею.

Д.Д.: Потребность в креативных людях, да просто в думающих, у нас исчезла. Наряду с вездесущей коммерциализацией культуры у такого человека есть еще один

сильный противник. Это – телевизор, которому нужен зависимый поставщик рейтингов. В то же время он выполняет неосознаваемую, важную функцию – снабжает миллионы людей превратными моделями жизни, отвлекает их от реальных проблем.

К.С.: Ну да. А с теми, кого мы назвали “креативными” людьми, он что делает? Человек предложил некую новую идею. Что происходит дальше? На него тут же набрасываются агенты ТВ, покупают эту идею на корню. И конвертируют в рейтинг. Телевизор представляет авторам одну-единственную мотивацию общества потребления – “бабло”. Мы платим тебе за идею, ты покупаешь на эти деньги ботинки, встаешь в длинный ряд потребительской цепочки... Мне кажется, что существует и другой путь.

Д.Д.: Новые ресурсы, безусловно, будут обслуживаться новыми мотивациями, которые связаны не только с развлекательным культурным миром. Новые художники предполагают появление новых посредников, менеджеров, финансистов и, разумеется, зрителей.

К.С.: Таких людей – при доброй воле Системы – вполне можно поддерживать, помогать им... И это не абстрактный романтизм. Идеи имеют огромную цену. И такая работа тоже может стать экономически выгодной...

Д.Д.: Всем нам нужно довериться необолваненному человеку и вместе с ним поднимать остальные сферы нашей жизни. Мы уже говорили, что в таком системном, структурированном культурном пространстве иначе формируются не только авторы, зрители, но и работодатели, наемные работники. От этого зависит общий уровень конкурентоспособного общества. Спроси любого человека от Рейкьявика до Кейптауна: “Назовите имена русских”. Они вспомнят И. Сталина, Ф. Достоевского, А. Чехова.

К.С.: Да... Вспомнят тирана и двух великих писателей, относящихся к культуре XIX в. Почему никто не вспомнит ни одного имени великого россиянина из века XX? Почему не вспомнят К. Мельникова, С. Эйзенштейна, великого русского ученого Ю. Кнорозова, открывшего миру письменность майя? А Ю. Гагарина вспомнят?

Д.Д.: Сейчас вряд ли. Можно было в свое время вместе с американским НАСА сделать Гагарина супергероем, брендом мирового класса, что когда-то стоило бы три копейки. Всего-то надо было организовать пару грандиозных выставок о космосе, показать их в Вашингтоне, Пекине, Лондоне... Теперь о ресурсах. Какими они могут быть? Я недавно предложил идею для ЭКСПО в Шанхае 2010 г., но ею, конечно, не воспользуются. Подумал: поскольку Россия – страна настолько семиотически сложная, о чем свидетельствуют многие социокультурные, исторические обстоятельства, то именно эту сложность можно представить как свое цивилизационное преимущество. Здесь даже ребенок знает, что говорить надо одно, думать – другое, а делать – пятое.

К.С.: Но это сложное семиотическое устройство и формирует сознание художника.

Д.Д.: Страна может поставлять на мировой рынок разного рода авторские идеи. Сумасшедшие, асимметричные.

К.С.: Вообще, если задуматься, наша культура – культура парадокса и боли. И она берет на себя эту мировую миссию. Совершенно отдельную, и очень ценную. Во всяком случае, я так это ощущаю...

Д.Д.: Вы про “всемирную отзывчивость”, что ли? То, о чем говорил Достоевский, трансформировать в новые гуманитарные технологии, в новое мышление... Почему бы не обратиться, например, к высшим чиновникам с предложением создать у нас мировые школы творческого проектирования? Попросить А. Васильева, предварительно извинившись за все, что с ним произошло, создать здесь, а не в Лионе, международную школу режиссуры. Помещение в Москве у него есть, им же и спроектированное. Но вы думаете, что какой-нибудь отечественный продюсер, зарабатывающий на культуре, понимает, что открыть европейскую школу режиссерского мастерства в Москве еще и выгодно? Сделать так, чтобы к Васильеву мечтали приехать учиться сюда, а не в Европу.

К.С.: Потеря нашей культурой Васильева – один из многих вопиющих примеров. Необходимо запустить механизм поддержки авторской культуры, что невозможно без проектирования самой культурной политики, которая сегодня фрагментарна и предельно консервативна. Так что “Имя Россия” это – Васильев, Эйзенштейн, Мельников, Кнорозов, даже если Россия этого не знает... Но точно не Сталин, Ленин...

Д.Д.: Тем более “Газпром” или “Роснефть”.

К.С.: Не бравировать этим, а показать, что мы великая культурная, креативная страна, давшая миру не только признанных тиранов, но признанных гениев. Телевидение придумали наши, вертолет, космический корабль, конструктивизм...

Д.Д.: Другой пример: Ю. Норштейн – лучший аниматор всех времен и народов.

К.С.: Как сделать так, чтобы эта установка не засохла в пределах легенды, а стала воспроизводиться? Как сделать так, чтобы в стране появились новые Эйзенштейны и Вавиловы?

Д.Д.: К сожалению (хотя в последнее время, я думаю, что такой подход – ошибка или стереотип), здесь ничего нельзя сделать без благоволения высшей власти. Хорошо бы, конечно, и ей понять, что для страны это единственный шанс. Итак: во-первых, без новаторов инновационное общество построить невозможно. Во-вторых, необходимо запустить механизм поддержки авторской культуры. Например, стыдно, что в Москве нет сети арт-кинотеатров. Нет проектирования самой культурной политики. Она фрагментарна и предельно консервативна.

К.С.: Для создания подобной системы нужны огромные деньги.

Д.Д.: Совсем нет, только специальные программы. В Европе четыре тысячи подобных кинозалов так и существуют. Доплачивают по таким программам владельцам за четверть мест, если кинотеатр показывает фильмы, например, М. Ханеке или Дж. Джармуша.

К.С.: Сейчас это важно. Это и есть дотирование инновационной культуры. Вы говорите о запуске механизмов замещения сегодняшних рыночных механизмов. Та идея, которая, возможно, спустя годы, будет продана за миллионы, сегодня еще не имеет цены. Пока она никому не нужна, поскольку ее перспективы неизвестны. Но разглядеть и поддержать ее необходимо.

Д.Д.: Поддержка нужна не только художникам, но и потенциальной публике, способной потом своим поведением, купленными билетами этих художников кормить. Чтобы люди знали: да, вот в Москве есть 25 кинозалов из 250, где показывают фильмы для тех, кто еще не разучились думать.

К.С.: Даже если сегодня их смотрят мало людей, завтра будет значительно больше. В России сейчас условно сто оркестров, в Америке их две тысячи. Но даже если эти сто оркестров 20% своего репертуара будут составлять из музыки современных российских композиторов, которым заказывают произведения, – и это дотируется, на это даются гранты, – то в конце концов ситуация с культурой поменяется, и, поверьте, самолеты будут меньше падать и воровства поубавится. А такие композиторы есть, они очень талантливы – А. Сюмак, Б. Филановский, С. Невский, А. Маноцков, Д. Курляндский... и это далеко не полный список... Только многие из них живут в Германии, в Голландии – там заказы, работа, успех, – остальные прозябают здесь... Фестивали современной русской музыки устраивают за границей... Дожили! Современную академическую русскую музыку нельзя услышать в России! То же самое, как известно, происходит в кино...

Д.Д.: К сожалению, те, кто принимают решения, не верят, что умножение количества не только сложных, но и ответственных людей в обществе автоматически решит множество проблем нашей жизни: от беспрецедентной коррупции до варварского мусора на улицах, от необъяснимого в современной Европе уровня мужской смертности до нежелания открывать малые предприятия. Сложный человек всегда предпочтет коды культуры, о которой мы тут говорим.

К.С.: Он не пойдет громить магазины после футбольного матча, не отрежет таджику голову, не пойдет “Русским маршем”. Он не вступит в “Наши” и не будет пресле-

довать писателей за их книги, художников за их работы. Не подпишет лизоблюдское письмо с одобрением репрессий и судебных преследований. Он много чего не сделает. Сложным человеком очень сложно манипулировать. Поэтому, конечно, он – большая проблема для любой власти.

Д.Д.: Подводим итоги: продвинутые зрители, современная, помогающая осмыслить нынешние вызовы культура, специальная культурная политика, нацеленная на инновационные сферы...

К.С.: Словом, надо перейти от технологии сбережения к философии развития. У нас культура состоит из двух пунктов: сохранить старое и сделать что-то новое. С первым мы еще более или менее справляемся, сохраняем. Но объявите открыто – 20% бюджета направлять на создание и демонстрацию нового. Это не значит, что новое надо насаждать, как Петр картошку. Но если театр, или оркестр, или музей получают господдержку, то, помимо всех остальных обязательств, они должны озаботиться созданием пространства роста, эксперимента, привлечением новых авторов.

Д.Д.: А “мы” – государство, специальные фонды – вам за “программу развития” доплатим. Поначалу будет пустой зал, но 20% заранее оплаченных билетов – плохо ли?

К.С.: Это и есть работа на развитие человека, на движение вперед. Та культура, которая у нас сейчас существует, вообще не предполагает развития. В ней не заложена эта технология. Безусловно, есть опасность, что власть, дотируя, гарантируя, станет заказывать только ту музыку, которую хочет слышать, только те пьесы, которые обслуживают идеи “текущего момента”, только те фильмы, которые безопасны для власти. Не “Груз 200”, а сериал “Участок”. Необходимость блокировать эти драконовские меры тоже должна быть заложена законодательно. На территории искусства нет цензуры, тут возможно все. Это обязаны знать все. Это должно войти в общественный договор. Перефразируя известную цитату: “Я могу ненавидеть ваши идеи, но, если они высказаны на территории искусства, я отдам свою жизнь, чтобы вы могли их свободно высказать”.

Д.Д.: Я бы без такого пафоса просто сказал: очень важно, чтобы инвесторам была выгодна поддержка современной авторской культуры. По крайней мере, престижна. И еще. Надо пересмотреть принципы художественного образования. Наши художественные школы должны существовать в мировом контексте. И обучать необходимо точно так же и тому же. Приглашать иностранных художников для проведения мастер-классов, для дискуссий со студентами. Главное – принести сюда современное художественное мышление. Чтобы хотя бы уровень нынешнего немецкого драматического театра был осознан.

К.С.: Значение-то его понятно, только воспроизвести нечто подобное по уровню у нас, к сожалению, невозможно. Мне кажется, должны уйти в небытие пожизненные синекуры. Ни при каких обстоятельствах человек не может находиться на руководящих должностях в государственных культурных институтах дольше, чем два срока. Как в Европе. Десять лет, и всё! Дальше он переходит в другое место: в другой театр, в другой оркестр. Нельзя за государственный счет быть пожизненным главредом, главрежем, главкем-то. Авторские институции – другое дело. Театр П. Фоменко, киностудия А. Германа, оркестр В. Спивакова, балет Б. Эйфмана должны существовать столько, сколько захочется их создателям, сколько они смогут работать.

Д.Д.: У нас точно есть – хотя их не так много для большой страны – реально действующие, жизнеспособные очаги культуры. Где-то это местный маленький театр, где-то – частный музей или библиотека.

К.С.: Галерея современного искусства. Центр дизайна. Фестиваль.

Д.Д.: Есть отличный Центр в Нижнем Новгороде, замечательная структура “ПРО АРТЕ” в Санкт-Петербурге. А вот программу “ПроArt” на телеканале “Культура” закрыли, хотя она увлекательно рассказывала о современном искусстве.

К.С.: Грубо говоря, необходимо создать карту российских культурных инициатив...

Д.Д.: ...всех успешно функционирующих культурных структур России, инновационных или почти инновационных. В 85-и регионах.

К.С.: И название хорошее: центры инновационной культуры. Аббревиатура получается ЦИК, похоже на что-то большевистское. Одних людей это может испугать, но других – бюрократию, например! – убедит в серьезности намерений!

Д.Д.: Где-то – музей пожарной каланчи, где-то маленький фестиваль. Если честно описывать эту систему, правильно ее промониторить и помогать членам этого неформального сообщества, они окрепнут и к ним потянутся другие.

К.С.: Приоритеты должны быть и здесь. Помогать больше следует, на мой взгляд, не тому театру, где за большие деньги показывают сериальных артистов в бульварных коммерческих пьесах (они и так прекрасно себя чувствуют), а тому, который экспериментирует, ставит новые пьесы, дает работу молодым режиссерам. Тому оркестру, который не только А. Вивальди играет, но еще и в Невском и Курляндском пытается разобратся.

Д.Д.: Целесообразно было бы на базе так называемого государственно-частного партнерства создать внебюджетный Фонд поддержки инновационных центров культуры. Ориентируясь на его гранты, они бы действовали в разных направлениях, описывали бы свою работу, постоянно развивались. Более того, возникали бы эффективные структуры, параллельные нынешним министерствам.

К.С.: Агентства, которые бы их обеспечивали.

Д.Д.: Важно, что их не надо проектировать и строить заново. Найди живых, дай им дополнительные возможности, новые ресурсы, и результат, уверен, будет. В каждом регионе уже есть подобные центры. Может быть, только иначе называются. Но это еще и несколько сот готовых к новой работе учреждений. Они придут в этот фонд за грантами – тем самым и отчитаются: вот мы сделали то-то, собираемся сделать это, дайте нам два рубля. Так мы выращиваем новую Систему, ничего не отменяя. Параллельное здание, но не пристройка.

К.С.: Да... А если это все еще будет “посажено” на интернет-мониторинг, на интернет-конференцию, на некий сайт, портал, если все будет в связи с подобными зарубежными институциями, то это вообще отдельное информационное поле. И какая-то история, возникающая, к примеру, в Нижнем Новгороде, в Санкт-Петербурге, тут же станет известна в Екатеринбурге, в Норильске. Это общенациональная проектная система. Благодаря агентству (или фонду), которое будет ее поддерживать.

Д.Д.: Она не будет стоить огромных денег. А банки, с ней работающие, получат имиджевые дивиденды. Это начнет обсуждать пресса, а значит – суперпиар. Предположим: “Деятельность Агентства инновационных центров обеспечивают, выложив по двадцать копеек, семь крупнейших банков России”. Они в день личных бонусов получают больше.

К.С.: Тогда и не надо ненавистную многим современную культуру навязывать министерству культуры.

Д.Д.: Пусть сохраняют, а не перестраивают памятники культуры. Наша же параллельная структура может стать в дальнейшем заказчиком других плодотворных начинаний.

К.С.: А именно: молодежная политика, имиджевый ребрендинг России, международное сотрудничество, образовательные программы... Много чего можно придумать.

Д.Д.: И все это будет противостоять завершающемуся десятилетию – эпохе тотального развлечения. Это и есть креативная политика, интеллектуальное продвижение, которые обеспечит тот самый неоднородный человек, упоминаемый нами вначале: осталось только перестать его бояться и потому унижать.